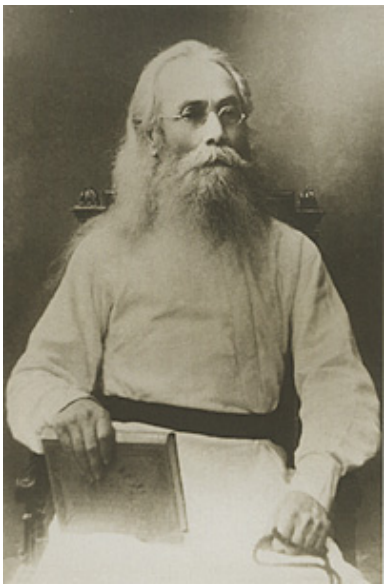
Беседы на святки

27 декабря 1912 г. (соответствует 9 января по новому стилю)



Прп. Варсонофий Оптинский

«Днесь благодать Святаго Духа нас собра» – этими словами начинаются тропари, поющиеся в особо важных, торжественных случаях.«Днесь благодать Святаго Духа нас собра», – скажем теперь и мы с вами, собравшись для духовной беседы. Бывало, так же собирались мы и в Оптиной, в моей маленькой молельне, при свете зеленой лампады. Только там круг слушателей был меньше. Помню, располагались трое или четверо на диване, затем на стульях и на скамеечках; всего на беседах бывало человек двенадцать, самое большее – семнадцать. А теперь двадцать восемь собралось. О чем же беседуем мы с вами? С различных концов прибыли вы сюда: из Петрограда, Москвы, из далекого Тамбова и т.д. Все вы съехались, чтобы получить духовное утешение и отдохнуть здесь от житейской суеты. Не материальные расчеты руководили вами, когда из дальних мест стремились вы в нашу тихую обитель. Эти святки, или святые дни, вы проводите здесь как должно, как учит наша Святая Православная Церковь, посещаете храм Божий, молитесь, слушаете убогую беседу… А все вы знаете, как проводят святки в миру. Театры, балы, концерты,

маскарады и т.п. Светские развлечения совершенно закружат человека, не давая ему времени подумать о чем-либо духовном. А после этого времяпровождения остается пустота на душе. Вспоминаются суетные разговоры, вольное обращение, увлечение мужчинами, а мужчин – женщинами. И такая пустота остается не только от греховных удовольствий, но и от таких, которые являются не очень греховными.

А что, если среди таких развлечений призовет к Себе Господь? Слово Господне говорит: *«В чем застану, в том и сужу»*. А потому такая душа не может пойти в обитель света, но в вечный мрак преисподней. Ведь это на всю вечность!

Мне вспоминается ужасный случай, происшедший на одном балу, еще в то время, когда я был в миру. В одном богатом аристократическом доме был бал-маскарад (я на нем не был, но мне рассказывали товарищи). На этом балу была одна замечательная красавица. Единственная дочь богатых родителей, она была прекрасно образованна, воспитанна (конечно, только по-светски), отчего не доставить ей удовольствие? Родители ничего для нее не жалели. Ее костюм изображал языческую богиню, стоил не одну сотню рублей, об этом костюме много говорили. Бал открылся, как всегда, полькой, затем следовали другие танцы, наконец, французская кадриль. Во время кадрили красавица вдруг упала в предсмертной агонии. Она сорвала с себя маску, лицо ее почернело и было ужасно. Челюсти скривились, в глазах выражался ужас с мольбой о помощи, которую никто не мог ей оказать. Так и умерла она среди бала. Погоревали о ней, особенно родители, похоронили, поставили над ее прахом великолепный памятник, и все земное окончилось для нее. А что стало с ее душой? Конечно, пути Божии неисповедимы, но, по нашему убогому разумению, не быть ей в Царстве Света. Предстала она суду Божию, а Господь же сказал: *«В чем застану, в том и сужу»* – вот и застал ее Господь среди игралища, в одежде богини разврата, и пошла ее душа в мрачные затворы ада. Вот чем кончается служение миру!

Работающим суете служение Христу представляется тяжким и

неудобовыполнимым, а разве в миру легко работать? Какие тяжкие цепи налагает он на своих последователей! Хотя бы эти визиты подчиненных к начальству на праздник! Вместо того чтобы побывать в храме Божием, люди с утра до вечера ездят по этим нелепым визитам, бывают у таких людей, которые им и несимпатичны, и их там не любят, а между тем не сделать визита – значит иногда лишиться места, поневоле приходится исполнять этот скучный обычай. И возвращается человек с таких визитов усталый, разбитый, проклиная суровый обычай мира сего. Но как поступить в этом случае христианину? Святой Апостол Павел говорит: «Творите все то, что не против вашей совести, а что противоречит, от того отвращайтесь»[1].

Совсем не сноситься с мирскими людьми невозможно, иначе нам пришлось бы выйти из мира. Мир сильно не любит тех, которые не следуют его законам. Он награждает их названиями монашек, в устах мира это позорное название ненормальных, отсталых и т.д.

– Знаете ли вы, – говорит один другому, – про такую-то? Еще в прошлом году она была очень мила. На святках на маскарадном балу на ней был чудный костюм, изображавший Диану, преследуемую охотниками. Многих она заинтересовала, а теперь? Нигде не бывает, только ходит в церковь да читает святые книги, вообразите!

– Да, она стала ненормальной.

Вот приговор мира сего. Пока служила она врагу, считалась умной, а когда перешла на сторону добра, то – ненормальной. Правда, смотря что принимать за норму, если отречение от Христа, то она, действительно, ненормальная. И мир осуждает такую и смеется над ней. Но надо все переносить, чтобы остаться верной Христу. Первые христиане так и поступали.

Приводят, например, на допрос великомученика Феодора Тирона.

– Кто ты такой? – спрашивает мучитель.

– Я – христианин!

— Но какого ты звания?

— Раньше, — ответил Феодор, — я был рабом богатого человека, а теперь я — раб Христа Спасителя.

— Но отчего же ты от такого богатого человека перешел к Христу? — дознавался мучитель.

— Потому, что познал истину.

— Но если ты не отречешься от Христа, я буду тебя мучить.

— Мучай, — отвечает святой, — Господь даст мне силы перенести все твои мучения. Тело ты можешь мучить, но не коснешься моей души.

Феодор с твердостью перенес все страдания, но остался верен Христу…

Правда, были и такие, которые отрекались. Ужасен был вид кипящих котлов с раскаленным оловом, в которые бросали людей живьем, и те обращались в пепел. Загоняли гвозди под ногти, вытягивали жилы и вешали на них, строгали железными когтями тело, отсекали голову — эти и подобные казни смущали малодушных, и они отрекались. Нынче христиан не мучают на площадях, не предают торжественно сожжению, всюду открыты христианские храмы, в которых истово совершается богослужение. Но многие и без мук отпадают от Христа — до чего же гнусное явление! Мир преследует рабов Христовых насмешками и презрением, и многие не переносят этого.

— А ты что-то часто стала ходить в церковь? — язвительно задают вопрос.

Молчание.

— Конечно, отчего не сходить на праздники, но ты уж чуть ли не каждый день ходишь? Кажется, и посты соблюдаешь? Уж не собираешься ли ты в монастырь?

Снова молчание. А иная, совсем обнаглевшая, начинает задавать вопросы:

— Вот ты все читаешь святые книги, а читала ли ты Ницше?

Да так и засыплет именами своих богов (у них ведь тоже есть боги).

— Если ты религиозна, — продолжается допрос, — то должна рассмотреть вопрос со всех сторон, не бойся услышать и противоположное мнение.

Не надо слушать подобные слова. Не читайте безбожных книг. Оставайтесь верными Христу. Если спросят вас о вере, отвечайте.

— Ты зачастила, кажется, в церковь?

— Да, потому что нахожу здесь удовлетворение.

— Уж не в святые ли хочешь?

— Каждому, конечно, хочется быть святым, но это не от нас зависит, а от Господа.

— Не в монастырь ли ты собираешься?

— Нет, в монастырь я не собираюсь.

Подобными ответами отразите врага. Конечно, тяжело, очень тяжело подчас бывает, скорби облекают со всех сторон, и приходит даже уныние, особенно это уныние нападает на монашествующих. Кажется, что и Господь оставил, и, может быть, временно Господь оставляет человека, но зорко следит за такой душой и не Даст ей погибнуть. Враг ненавидит монастырь, оттого-то с такой силой и нападает на иноков. Помню, когда я был еще в миру, монастырь представлялся мне страшной скукой. Там только редька, постное масло да поклоны. Но, бывая в великосветском обществе, я все равно скучал. А если кто-нибудь начнет особенный разговор, то его поднимут на смех: вот явился

пророк! Да, только пустые, праздные разговоры, даже музыки не слышно. Стоит великолепный рояль, и есть хорошо играющие, но никто до него не дотронется. Все более и более отходил я от мира, хотя заметных изменений не было. Это отпадение продолжалось десять лет, пока я совершенно не отошел от него. Труднее всего мне было оставить театр, оперу, серьезную музыку… Но случилось нечто – я оставил мир и стал иноком, Может быть, конечно, я только внешне отошел от мира, блаженны отошедшие от него внутренне. Под миром подразумеваются здесь не люди, а служение страстям, где бы оно ни происходило. Можно быть и мирскими инокинями, и в монастыре жить, как в миру. Черные одежды сами по себе не спасают, и белые не погубляют. Не зову вас в монастырь, живите в миру, но вне мира – и благо будет вам.

От скорбен не надо приходить в уныние, в отчаяние, надо терпеть. Многие начавшие идти за Христом бывают вначале очень требовательны: «Господи! сделай меня святой!» Правда, это законная просьба, но нельзя сразу достигнуть святости. Были редкие примеры, когда из грешников сразу становились святыми, но они были исключительными, эти примеры, а нам, грешным, указан путь постепенного восхождения. Поступая так, не впадешь в сети врага. И люди говорят, что если нищему дать сразу миллион, то он, пожалуй, от неразумного потребления денег и сам погибнет, и других погубит, а если дать ему рублей 30-40, то он на ноги встанет. Если так рассуждают люди, то не тем ли более Господь раздает Свои дары на пользу, а не на погибель. Должно помнить, что Господь любит и печется о нас, а потому надо вполне предавать себя на волю Божию: твори со мною, Господи, что хочешь. Нельзя стать святым, то есть исполнить заповеди Божий без труда, а этот труд троякий: он состоит из молитвы, поста и бдения. В Евангелии говорится, что однажды привели к ученикам Христовым бесноватого. Сколько Апостолы ни старались изгнать злого духа, он не слушал и говорил: «Не выйду». Тогда бесноватого отвели ко Христу, и Сам Господь изгнал беса. Ученики, оставшись наедине со Христом, с оттенком упрека говорили Ему: *«Почто мы не возмогем изгнати*

его?» Господь сначала сказал: *«За неверие ваше»*, затем же добавил: *«Сей род* (то есть злые духи)*изгоняется токмо постом и молитвою»* (Мф.17:21). Итак, молитва, пост и бодрствование над собою, то есть хранение своих мыслей и чувств, делают нас победителями врагов нашего спасения. Самое трудное из этих дел – молитва. Всякая добродетель вследствие упражнения превращается в навык, а молитва до самой смерти требует побуждения и является следствием подвига.

Молитва трудна, так как ей противится наш ветхий человек. Но она трудна еще и потому, что враг всей силой восстает на молящегося. Молитва для диавола есть вкушение смерти, хотя, конечно, он уже умер духовно. Но молитва как бы снова поражает его, а потому он всячески противится ей. Даже святые уж, кажется, должны бы только утешаться молитвой, но по временам она и для них трудна. Правда, молитва несет с собой и высокое утешение, и не только праведнику, но и грешнику.

Наш известный поэт Лермонтов испытывал сладость молитвы и описал это в своем стихотворении:

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко…

К сожалению, молитва не спасла Лермонтова, так как он ожидал от нее только восторгов, а труда молитвенного понести не хотел. Поэт погиб – он был убит на дуэли.

Враг сильно нападает, внушая уныние, отчаяние и какой-то необычайный страх. *Тамо убояшася страха, идеже не бе страх…* (Пс.13:5). Иногда человек чувствует свое полное бессилие и руки опускает. Но такая печаль незаконна: нужно молитвой и крестным знамением, в котором сокрыта непостижимая сила, противиться козням врага.

Второе средство для получения спасения – это пост. Пост бывает двоякий: внутренний и внешний. Первый есть воздержание зрения, слуха и всех наших чувств от всего скверного и нечистого, второй – воздержание от скоромной пищи. Тот и другой пост неразрывно связаны друг с другом. Некоторые люди все внимание обращают только на внешний пост, совсем не понимая внутреннего. Приходит такой человек куда-нибудь в общество и в разговорах там сплошь и рядом принимает деятельное участие в осуждении ближних, и много похищает от их чести. Наступает время ужина. Ему предлагают скоромную пищу: котлеты, поросеночка. Он долго отказывается.

– Ну покушайте, – уговаривают хозяева, – ведь не то, что входит в уста, оскверняет человека, а то, что из уст!

– Нет, в этом я стоик, – заявляет он, совершенно не сознавая, что, осуждая ближнего, он уже нарушил и даже совсем перечеркнул пост.

Вот отчего так необходимо трезвение над собой и хранение своих мыслей и вообще всех чувств. Трудясь для своего спасения, человек мало-помалу очищает свое сердце, и вместо прежних зависти, ненависти и злобы в нем рождается любовь. Древние христиане жили в любви и согласии, все у них было общее. Апостолы ничего не имели, а достаточные[2] приносили разную снедь, имущество к ногам Апостолов, те же раздавали всем нуждающимся. Собирались они вместе на вечерю любви и вкушали от предложенной трапезы. Так и мы с вами вкусили сегодня. Я ничего не знаю, но все усердствуют мне боголюбивые души, а я только разделяю эти дары между мирянами и монашествующей братией. Идет известный вам отец Григорий и, стучась к какому-

нибудь иноку, передает приношение.

— О ком молиться? — спрашивает тот.

— Имена их Ты веси, Господи, — отвечает отец Григорий.

Когда Господь Иисус Христос посылал своих учеников на проповедь, то говорил: *«Когда же приведут вас в синагоги, к начальствам и властям, не заботьтесь, как или что говорить, ибо Святый Дух научит вас в тот час, что должно говорить»*(Лк.12:11-12). И слова Господни исполнились. Простые, неграмотные рыбаки своим учением покорили всю Вселенную. Мудрецы века сего не могли противостоять такому учению. Дух Святой и теперь действует через Священное Писание и через преданных Богу людей. Оттого-то святые книги, в частности Жития святых, так благотворно влияют на душу человека, так как это слово жизни. В писаниях же неверующих Ренана, Ницше и прочих — смерть, потому что мраком, тоской и отчаянием покрывается душа от подобного чтения, точно мрачные туманы спускаются со всех сторон и облегают сердце человека, а слово Духа Святого — животворит.

В истории известен такой пример. Грозный завоеватель Аттила[3]двинулся на Западную Европу. Его огромные полчища все уничтожали на своем пути, и вот Аттила подступил к стенам Рима. Рим со своими несметными сокровищами и громкой славой возбудил у Аттилы желание смирить этот город. Римляне с трепетом ожидали погибели, а святой папа Лев отправился в стан Аттилы и убеждал его отступить от города. Молча слушал Аттила великого старца, и мысль его колебалась. Сподвижники грозного завоевателя уговаривали его не слушать папу и двинуться на город. Миллионное войско было наготове, но Аттила вдруг решительно воскликнул: «Назад!» Удивленные воины вопросительно взглянули на Аттилу. «Назад!» — повторил он, и все двинулись обратно. Когда они были уже за Дунаем, а может быть, и за Днепром, воины спросили Аттилу, отчего он не взял город, а послушался какого-то старика. «Я не мог не послушаться его, — ответил завоеватель, — так как в словах его была невыразимая

сила».

Действительно, Дух Святой говорил через святого папу Льва, оттого-то и не мог противиться этому слову человек. Нечто подобное было и с нашим поэтом-полувером Пушкиным. Он был в большой славе, его стихи приводили в восторг всех не только в России, но и за границей. Не было, да и, кажется, не будет равного ему по музыкальности и звучности стиха. Но эти стихи описывают лишь земное и тленное, сам поэт говорит: «…лире моей вверял изнеженные звуки безумства, лени и страстей». И вот на этого поэта громадное влияние имело слово митрополита Московского Филарета, заставляя его задуматься и раскаяться в своем пустом времяпровождении.

Однажды митрополит Филарет говорил проповедь в Успенском соборе. Пушкин стоял, скрестив руки, боясь проронить и слово. Возвращается он домой.

— Где ты был? — спрашивает жена.

— В Успенском соборе.

— Кого там видел?

— Ах, оставьте, — сказал Пушкин и, закрыв лицо руками, зарыдал.

— Что с тобой? — удивилась жена.

— Ничего, дай мне бумагу и чернила.

И под впечатлением слов митрополита Филарета Пушкин написал свое чудное стихотворение, за которое, наверное, многое простил ему Господь.

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Последнее четверостишие особенно замечательно:

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.

Пушкин, конечно, не слышал серафимского пения, но, очевидно, подразумевает под этим нечто великое, с чем только и можно сравнить слова митрополита Филарета.

Дети мои, читайте Священное Писание и творения святых учителей Церкви, так как через них говорит Сам Дух Святой. Но не читайте таких «учителей», которые могут оторвать вас от Христа. Да спасет нас от них Господь! Будем следовать только Христову учению — и спасемся.

У Хомякова есть прекрасное стихотворение «Звезды», в котором он небесный свод с миллиардами звезд сравнивает с учением галилейских рыбаков, то есть с Евангелием.

В час полночный близ потока
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко

В Горнем мире чудеса.

Ночи вечные лампады
Невидимы в блеске дня,
Стройно ходят там громады
Негасимого огня.

Но впивайся в них очами
И увидишь, что вдали
За ближайшими звездами
Тьмами звезды в ночь ушли.

Вновь вглядись — и тьмы за тьмами
Утомят твой робкий взгляд:
Все звездами, все огнями
Бездны синие горят.

В час полночного молчанья,
Отогнав обманы снов,
Ты вглядись душой в Писанья
Галилейских рыбаков.

И в объеме книги тесной
Развернется пред тобой
Бесконечный свод небесный
Лучезарной красотой.

Узришь — звезды мыслей водят
Тайный хор свой вкруг земли;
Вновь вглядись — другия всходят,
Вновь вглядись — и там вдали

Звезды мыслей тьмы за тьмами
Всходят, всходят без числа,
И зажжется их огнями
Сердца дремлющая мгла.

Да, истинное учение Христово способно зажечь и холодные сердца. *«Огня приидох воврещи на землю…»*(Лк.12:59), — говорит

Спаситель. Всех идущих за Христом покрывает и спасает благодать Божия.

Недавно была у меня девочка, лет семи, с матерью. Спрашиваю девочку, как меня зовут.

— Вар-со-но-фий.

— Верно. Ну а тебя?

— Ва-лен-ти-на.

— Валя, — добавляет мать.

— Ну, Валя, не вались, — говорю ей.

Сам не знаю, отчего я это сказал, только сегодня пришли они ко мне опять.

— Батюшка, — говорит мать, — а знаете, что с Валей случилось? Был у нас погреб открыт, моя девочка не заметила да, оступившись, упала прямо в него, а он глубокий. Мы с мужем в ужасе думали, что она разбилась насмерть, а она осталась жива и невредима. Вот чудо! Ну и вспомнились нам ваши слова: «Валя, не вались!»

Ведь вот враг стремится погубить человека, а благодать Божия спасает. Да спасет Господь и нас от страшного и мрачного погреба, который есть различные вражеские козни, всюду расставляемые нам врагом.

Вчера служил я обедню в соборе. Много причащалось детей, все подходят спокойно, видно, что соединяются со Христом. Вдруг приносят девочку, лет двух с половиной. Она сильно закричала, затем, высвободив ножку, ударила по потиру. Я обомлел. Ведь Святые Дары могли пролиться на пол! Не знаю, как удержал Чашу в своих старческих руках. Верно, Ангел-хранитель, который всегда стоит около нас, ослабил силу удара. Спрашиваю, как зовут девочку, говорят: «Зинаида». Принесла ее тетка, так как мать неверующая, в церковь никогда не ходит. Тетке еле удалось

оторвать девочку от матери для причащения. И подумалось мне, что ждет этого ребенка впереди? Господу известна судьба каждого человека. Говорят, что с Толстым в детстве было нечто подобное. Да спасет и помилует нас всех Господь! Аминь.

Преподобный Варсонофий Оптинский

«Духовное наследие», СТСЛ, 2004

9 января 2006 г

Источник: pravoslavie.ru